

Ромен Гари
Большая барахолка

Romain Gary
Le grand vestiaire

Ромен Гари
Большая барахолка
роман

Перевод с французского
Натальи Мавлевич

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г20

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Гари, Ромен

Г20 Большая барахолка : роман / РОМЕН ГАРИ; пер. с фр. Н. МАВЛЕВИЧ. — Москва : АСТ: CORPUS, 2013. — 416 с.

ISBN 978-5-17-079636-6

“Большая барахолка” — один из первых зрелых романов самого читаемого французского классика XX столетия. Ромен Гари (настоящая фамилия — Кацев) всю жизнь печатался под псевдонимами и даже знаменитую Гонкуровскую премию получил дважды под разными именами: в 1936 году как Гари, а в 1975-м — как начинающий литератор Эмиль Ажар. Награду, присужденную Ажару, он, однако, принять отказался. Военный летчик, герой Второй мировой, Гари написал “Большую барахолку” вскоре после освобождения Франции от оккупантов. Пятнадцатилетний Люк Мартен, сын погибшего участника Сопротивления, оказывается один в Париже среди послевоенной неразберихи, коррупции, разгула черного рынка и жестоких расправ над теми, кого подозревают в сотрудничестве с немцами. Мальчика берет под свою опеку странный, вечно опасющийся чего-то старик, уже усыновивший несколько беспризорных подростков. В этой новой семье Люка ждут неожиданные открытия, первая любовь и “взрослая” жизнь, которую он строит по образу и подобию гангстеров из американских боевиков.

На русском языке роман публикуется впервые.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-079636-6

- © Editions Gallimard, Paris, 1948
- © Н. Мавлевич, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Часть первая

КРЫСЯТА

11

Часть вторая

ВЗРОСЛУГИ

231

Часть третья

СТАРИК

333

Посвящается Лесли Блани-Гари

— И что же, мой бедный друг, вы хотите доказать?

— Да ничего. Просто хочу оставить свой след.

— Зачем, старый вы чудака?

— Чтобы другие по нему не пошли. Он пригодится тем, кто не последует за нами. Вспомните, Господин мой: человечество — это заблудившийся патруль.

— Разве оно не может повернуть назад? Разве уже слишком поздно?

— Не может. Ему стреляют в спину.

— Как это грустно! В вашем почтенном возрасте!

РОМЕН ГАРИ *Тюльпан*

Часть первая
Крысята

I

Месье Жан, подпольная кличка Мариус, носил берет, кожаную куртку и тяжелые ботинки. Месье Жан смотрел на мир красивыми, немного грустными глазами и имел привычку задумчиво грызть травинку. Грудь его украшали награды: крест за Первую мировую, еще один — за тридцать девятый-сороковой, медаль Сопrotивления, волонтерская медаль, медаль “От благодарной Франции”, — и все бренчали, когда он шел быстрым шагом. Общались мы недолго — я приехал из Везьера на похороны отца и через две недели уезжал в Париж, но таким он остался в моей памяти: с травинкой в зубах и автоматом на плече — он с ним

не расставался с тех пор, как вышел приказ сдать оружие. Мы шли после похорон по кладбищу Вьеге.

— Не беспокойтесь обо мне, — сказал я. — Не пропаду.

— Твоему отцу не повезло, — сказал месье Жан и покачал головой.

— Да уж.

— Погибнуть вот так, в последний день! Я был рядом с ним — могли бы попасть и в меня.

— Не повезло, — повторил я.

Он вздохнул:

— Твой отец был герой.

Он говорил с сильным марсельским акцентом. А в этом месте голос его дрогнул, он остановился и посмотрел на меня:

— Я обещал ему позаботиться о тебе, мальчуган. Поедешь со мной в Марсель? Я бы тебя усыновил.

— А как у вас с финансами? — спросил я.

Он удивился, но ответил:

— Да вроде неплохо. Держу трикотажную лавку. Не бог весть что, но на жизнь хватает.

— И машина есть?

— Чего нет, того нет.

— А сколько вам лет?

— Шестой десяток пошел.

Я смерил его холодным взглядом:

— Нельзя сказать, что вы многого добились в жизни.

— Пожалуй, нет, — согласился он и опустил голову. — Но не все измеряется деньгами.

— Так говорят все неудачники, — фыркнул я.

Мы и дальше шли рядом по кладбищенской аллее, но уже как чужие. Дружбы не получилось — месье Жан это понял.

— Пойду чего-нибудь перекушу, — сказал он и ушел, держась за свой автомат. Больше он не заговаривал об усыновлении и вообще избегал и как будто побаивался меня. Впрочем, у него были другие заботы. Ему велели сдать автомат. Видимо, дело об автомате месье Жана-Мариуса обсуждалось где-то в верхах, и было решено, что он должен его сдать. Месье Жан отчаянно сопротивлялся. Кричал, угрожал, бил себя в звенящую медалями грудь, бегал по инстанциям, не выпуская из рук автомата. На него везде смотрели косо — скандалист нашелся! И наконец пришли и, действуя почтительно, но твердо, забрали автомат. Сказали: “Тут у нас уже не Дикий Запад”, — особо напоирая на “уже”. Время подпольной борьбы и освобождения кончилось — теперь пусть воюют военные. Возвращается нормальная жизнь. Война почти что кончилась, немцы бегут, у нас опять будет регулярная армия.

Хватит играть в огнестрельные игрушки. Кроме того, на месье Жана-Мариуса скопилось целое досье, которое новые военные власти собирались внимательно изучить. За ним числились вооруженные нападения — это ладно, ограбления товарных поездов — тоже ладно, налеты на банки — кхм-кхм! — а главное, несколько казней без суда и следствия — нет, никто не обвиняет все Сопротивление, там было немало мучеников и героев, но надо все-таки разобраться, просеять, отфильтровать, проверить легенду, привлечь кое-кого к ответственности... Месье Жан крепко обругал штабного полковника и заболел. Неделю провалялся в военном госпитале. Мы с Роксаной проводывали его; Роксана — это собака, которая досталась мне в наследство от отца, они три года вместе партизанили. Я приходил из вежливости и еще потому, что было приятно поглядеть на его растерянную рожу.

— Мерзавцы, мерзавцы! — повторял он. — Скрутили нас!

— Сами виноваты, — говорил я.

Он ворочался в постели, смотрел в потолок, тяжело вздыхал и принимался молоть невесть что:

— Придется перенести борьбу в политическую плоскость!

— Правильно!

Он устремлял на меня лихорадочный взгляд:

— Еще не все потеряно, а, мальчуган? Мы им еще покажем, верно?

— Не все, еще не все, — поддакивал я.

Он хватал меня за руку:

— Зря, что ли, погибал твой отец?

— Конечно! — отзывался я.

Мне было тогда четырнадцать лет, и я был полон надежд.

II

Из госпиталя месье Жан вышел похудевшим и побледневшим. Дело его решили закрыть. Собранные против него факты могли быть истолкованы по-разному. Не хватало перспективы. Чтобы понять, как надо думать, следовало немножко выждать: все прояснится, войдет в рамки. Пока же месье Жана-Мариуса вежливо, но твердо демобилизовали: побаловался, и будет, война кончается. В общем, все как-то утрясалось. Жизнь налаживалась. Уже шли первые американские фильмы, власти обещали показать наконец “Унесенных ветром” с Кларком Гейблом и Вивиан Ли. У всех на слуху были имена новых звезд: Лорен Бэколл, Грив Гарсон, Хамфри Богарт. Возвращались

не слишком замученные бывшие пленные. Появляло свободой, на черном рынке появилось все, что хочешь. Отца посмертно наградили медалью Сопrotивления с розеткой, префект приколот мне ее на грудь на площади Гамбетта. Он говорил растроганным простуженным голосом от имени временной Республики¹. Сказал, что Франция берет меня на попечение, потому что таков ее долг перед моим отцом. Кто отдает долги, становится богаче. Государство даст мне бесплатное среднее образование и профессию. “Будь же достоин своего отца!” Он ободряюще обнял меня, но я и так не трусил — с другом ничего не страшно, а моя собака Роксана присутствовала на празднестве, смиренно сидела рядом с месье Жаном, хотя, на свое счастье, и не понимала, что происходит. На другой день нас с ней посадили в поезд и отправили в Париж. Месье Жан пришел проводить нас. Мне прицепили на руку повязку-триколор и дали билет в вагон третьего класса. Отныне я “воспитанник нации”, — объяснил месье Жан. В Париже на Восточном вокзале меня должны встретить официальные представители, которым поручено

1 В 1944–1946 гг., после падения режима Виши и до установления Четвертой республики, Францией управляло Временное правительство Французской республики. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

заняться мной. Все организовано, все учтено. Я не один, у меня будут друзья. Я вырасту, выучусь и стану таким, как мой отец, сказал он, сморкаясь. Теперь он нарядился в приличный серый плащ, но вид все равно был дурацкий.

— Спасибо вам за все, — сказал я и повторил: — Не беспокойтесь — я не пропаду.

Он достал из кармана блокнотик и протянул мне:

— Я записал тут свой адрес. Если понадобится помощь, только дай знать.

— Непременно, — вежливо обещал я и взял блокнотик.

Месье Жан просиял.

— Скажу тебе по секрету, — сказал он. — Я буду баллотироваться на выборах. Попросили товарищи... Я не имею права отказаться. Сопrotивление объединило страну, и мы должны во что бы то ни стало сохранить это единство...

— Держите меня в курсе, — сказал я.

Поезд тронулся. Месье Жан махал мне рукой.

— Смотри не потеряй мой адрес! — крикнул он.

Блокнотик — вот он. Я высунулся и что есть силы швырнул его, целясь в месье Жана. Но промазал. Зато успел увидеть, как у него вытягивается от удивления лицо и медленно опускается рука. Та-

ким тоже он остался в моей памяти: растерянная, быстро удаляющаяся фигурка на перроне, точка в пространстве, еще одна зарубка, дорожный столбик, чья судьба — все время оставаться позади.

На Восточном вокзале нас встретили девушка и молодой человек, вид у них был крайне озабоченный, и на меня они смотрели недоверчиво, как на опасный предмет, который, того гляди, взорвется, только тронь. Молодой человек держал в руках список.

— Вы малолетний Люк Мартен? — умоляющим тоном спросил он. — Правильно?

— Точно, — успокоил его я. — А это Роксана.

— Как вы сказали, Роксана?

Он в панике уткнулся в список, а тщательно изучив его, поднял голову и с ужасом сказал:

— Так я и знал, этого имени в списке нет. Опять какая-то ошибка.

— Проверьте еще раз, Марсель, — жалобно попросила девушка. — Боже мой, какая неразбериха! В прошлый раз они прислали нам как воспитанника нации сорокапятилетнего детину, который ни слова не знал по-французски и ломился в приют вместе с другими сиротами. Все время что-то не так. Но не расстраивайся, дружок, — это она уже обращалась ко мне. — Раз мы с тобой, все будет хорошо. Боже мой, теперь они нам еще и собак будут присылать?

— Ничего не понимаю, — возмущался молодой человек. — Или это штучки “Жертв фашизма”, чтобы доказать министру, что и у нас вечно все путают? Роксана, говорите? Вы уверены? Тут у меня есть Россар Эжен, пятнадцати лет. Может, это он?

— Да хватит, Марсель, вы же видите — это собака, — раздраженно сказала девушка.

— Иногда у них такие ошибки бывают, что я уж не знаю, что и думать, — сказал ее напарник.

— Боже мой, мы стоим на перроне и разглагольствуем, а мальчик еще не ел! Ладно, Марсель, все уладится. Вот увидишь, дружок, все будет хорошо, раз ты с нами.

Но молодой человек делался все мрачнее. Вдруг он побелел как полотно и вынужден был сесть на мой чемодан.

— Мне пришла в голову жуткая мысль, — сказал он.

— Боже мой, что еще? — ужаснулась девушка.

— Это первая группа, которую мы принимаем после реорганизации, — сдавленным голосом проговорил он. — На этой неделе придут еще триста новых воспитанников. Что, если произошла ошибка — а так оно, видимо, и есть — и мы получим вместо них триста собак?

— Боже мой!

— Куда мы всех их денем?

Минуту оба молчали, потом молодой человек взвился:

— Я сейчас же свяжусь с оргкомитетом. Дело пахнет саботажем. Тут, не иначе, замешана политика. Надо срочно принимать меры, пока пресса не пронюхала об этой истории. Отведите мальчика в главный приемник, а я приду попозже.

И почесал к метро.

— Боже мой, — опять запричитала девушка, — кто их знает, что они придумают! Хотя кругом такой бардак, что лишние триста собак ничего не изменят. Пошли, малыш, нам на метро до Оперы. А по дороге я покажу тебе достопримечательности. В главном приемнике для вас устраивают торжество с банкетом. С утра там собралось уже

семнадцать воспитанников. Боже мой, я потеряла билетики! У тебя нет билетиков? Значит, придется встать в очередь. Ну и времена наступили — за что ни возьми, все начинается прекрасно, а кончается очередью. Ладно, давай лучше возьмем такси. Вообще я учусь на преподавателя английского, но стараюсь еще делать что-нибудь полезное, работаю вот в социальной службе. Отца и брата расстреляли немцы.

— А где тут можно пописать? — спросил я.

— Ох ты боже мой, понятия не имею, — охнула девушка и от огорчения забыла про достопримечательности. Не глядя друг на друга, мы доехали до Оперы, вышли из такси, и я пошел следом за девушкой в этот самый главный приемник — мне было любопытно, что это за штука такая: может, и ничего. Приемник находился в бывшем магазине фирмы “Крайслер”. В его огромной витрине красовались два скрещенных флага, причем один висел вверх ногами. Над вывеской “Крайслер” натянули транспарант с надписью: “Министерство по делам пленных и депортированных”. Тут же рядом, у самой двери, — изящная черная, с золотыми буквами, табличка: “Дамское белье, эластичные корсеты Бебе-Делис”.

— Нам сюда, — сказала девушка.

Внутри стояли стенды с фотографиями: зверства нацистов, горы голых трупов. Из громкоговорителя тонкой струйкой лилась классическая музыка. Сновали в разные стороны организаторы обоего пола со списками в руках, сталкивались лбами, на ходу бормотали извинения; всюду стрекотали пишущие машинки. Все куда-то звонили. Посреди ковровой дорожки сбились в кучку юные сироты, окруженные толпой элегантно одетых людей. Время от времени на ребят направляли прожекторы и объективы кинокамер. У каждого и каждой из сирот были трехцветная повязка на рукаве и чемоданчик в руках. А выражения лиц — от пугливого восторга до скотского отупения. На полу спутанные провода, о которые все спотыкаются, на конце клубка — шустрый молодой человек с микрофоном в руке. Я заметил среди воспитанников нации рыжего веснушчатого парнишку чуть постарше меня, который явно чувствовал себя как рыба в воде. Проходя мимо, он улыбнулся, подмигнул и принялся насвистывать “Лили Марлен”. Но познакомиться с ним я не успел — опекавшая меня девушка крепко сжала мою руку — видно, чтобы я не вздумал улизнуть, — и потащила за собой. Я потащил Роксану, и так, втроем, мы пробрались сквозь толпу к стеклянной двери с надписью “Продажа” и вошли. Там

сидел за письменным столом и желчным голосом говорил по телефону нервный бледный дядька со страдальческой и злой миной, которая в сочетании с вымученной улыбкой выглядела прямо-таки зловеще. В петлице у него вместо орденской ленточки был вдет кусок колючей проволоки.

— Нет, представляешь, они мне теперь собак присылают! С какой стати? Да просто так, чтобы ползти. Только что позвонили из министерства. Вот-вот прибудет свора в триста псов. Будьте готовы. Прыг-скок, тра-ля-ля! Да я не психую, дружище, здоровье не позволяет. Не на того напали — я кремь. Начхать мне на все эти выкрутасы. Со мной и немцы не сладили, не то что какие-то там триста шавок! Прыг-скок, тра-ля-ля! Да ничего, просто пою. Кремь! Собаки так собаки. Валяйте — всех размещу! Где? Плевое дело — завтра с утра освобожу под них отель “Ритц”! Да говорю тебе: я аб-солютно спокоен! Никакая не ошибка! Они уже едут! Ясно, что все это подстроено. Довести меня хотят! А мне что — пожалуйста, присылайте. Прыг-скок, тра-ля-ля! Да я кремь! Но только так им и скажи: я терпеть не стану! Хотят войны — они ее получат! Пусть я пойду ко дну, но напоследок задам жару: выше флаг, огонь из всех орудий! Никому не поздоровится! Так своему министру и скажи.

Он бросил трубку.

— Боже мой! — сказала девушка.

— О! О! — воскликнул господин. — А вот и собачка! Началось!

Он встал из-за стола и семенящим шагом, потирая руки, направился к Роксане. Волосы у него еще не успели отрасти, бескровное лицо подергивалось в нервном тике. Роксана залаяла на дядьку и чуть его не укусила, я подхватил ее и изо всех сил прижал к себе.

— Месье Ру, — поспешно вмешалась девушка, — успокойтесь, прошу вас! Не то у вас опять начнется приступ. Знакомьтесь, это Люк Мартен. Его прислали из везьерской ячейки.

Месье Ру с трудом овладел собой, провел рукой по лицу, как бы сгоняя тик, и повернулся ко мне.

— Прошу прощения, малыш, — сказал он, положил руку мне на плечо и машинально пожал — костлявые пальцы так и впились мне в кожу. — Не очень устал в дороге? Ну-ну, теперь ты под нашей опекой. Все позади, ты в тихой гавани, теперь у тебя начнется новая жизнь. И знай, больше ничего дурного не случится. Мы не заменим тебе семью, но постараемся вырастить честным гражданином. Возможно, найдутся приличные люди, которые захотят усыновить тебя, — такие случаи

бывали, правда, двое-трое паршивцев обокрали своих благодетелей и смылись. Надеюсь, ты не такой, но как знать, кто попадется, хоть мы, конечно, и стараемся навести справки о семье в полиции.

Вдруг он осекся, и лицо его судорожно задергалось.

— Где, спрашивается, можно достать диетический хлеб? Я диабетик. Не знаешь? Ну ничего, мы этих сволочей... Как-нибудь на досуге я расскажу тебе в деталях, как тут у меня все функционирует. Нас незаслуженно ругают. Взгляни, например, на эту таблицу и увидишь: мы только-только начали работать, а уже приняли и устроили четыреста пятьдесят сирот. Вот что мы сумели сделать при самых скудных средствах. А в ближайшее время надеемся еще улучшить результаты. Это не так легко — местные ячейки в провинции обычно не стремятся присылать нам своих сирот, а предпочитают разбираться самостоятельно. Мы настойчиво боремся с этой тенденцией, которая в немалой мере способствует увеличению детской преступности...

Его опять перекосило.

— О чем это я говорил? Ах да... Надеюсь, когда ты вырастешь, мой мальчик, то вспомнишь обо всем, что сделала для тебя страна, и отплатишь ей за это.

А лучший способ служить своей родине — это, запомни мои слова, быть честным, порядочным, скромным, трудолюбивым, дисциплинированным человеком и уметь при этом заработать на кусок хлеба для своей семьи. Ха-ха-ха! Я знаю, что говорю, — сам получаю четырнадцать тысяч франков в месяц... трое детей... и при нынешних-то ценах на масло... Настоящее скотство! Ну, ничего, мы этих сволочей...

И снова жуткие гримасы — сроду таких не видел!

— Месье Ру!

— Да-да, действительно, конечно, прошу прощения... Итак, о деле. Очень скоро прибудет министр, скажет несколько слов. Главное, не разговаривай с ним, это его бесит. Спросит о чем-нибудь — дай ему ответить самому. Алло... да.. Нет, ни в коем случае! Эти гостиницы зарезервированы для жертв политических репрессий, а не для жертв фашизма. Как это — какая разница! Это разные организации. Жертвам фашизма положено двенадцать бесплатных мест в кино на неделю, и все.

Он проглотил какую-то таблетку, снова задержался да еще и принялся грызть ногти.

— Боже мой, месье Ру, вам нужно отдохнуть! — сказала девушка.

Месье Ру бросил на меня злобный взгляд:

— Вы его накормили?

— О боже, я совсем забыла!

— Ну и ладно, — злорадно фыркнул месье Ру, — все равно ничего уже не осталось. Саранча смела все подчистую. Уму непостижимо, сколько еды помещается в такого вот маленького человечка. Уж я-то знаю, у меня их трое...

Лицо его страшно задергалось.

— Ладно, отведите его ко всем остальным. Я уйду — с минуты на минуту прибудет министр, а я его ненавижу. Алло, алло! Нет, мой дорогой, я не могу разместить сегодня вечером еще две тысячи человек, у нас все переполнено.

Я вернулся в зал. Там уже собралась целая толпа, и все мы были окружены сочувственным вниманием. Роксана удостоилась особых похвал, после того как я рассказал, что она партизанила вместе с моим отцом, а когда его убили, пробежала сто километров и вернулась ко мне на ферму. Рыжий мальчишка, которого я заметил, еще когда входил, заинтересованно слушал, а потом спросил:

— Ты часто сюда приходишь?

— Как это?

— Первый раз, что ли?

Я опять не понял.

— Ну, я уже шестой раз. Надо просто нацепить трехцветную повязку и затесаться в толпу — никто ничего не спросит, проходи, пожалуйста. Только напусти на себя скорбный вид. Это придумал мой отец, Вандерпут. Получил хорошие вещи — и сваливай себе преспокойно. Я так уже добыл шесть новеньких костюмов, дюжину свитеров, шесть пар ботинок натуральной кожи, несколько одеял... плохо ли! Тебя как звать?

— Люк Мартен.

— Я — Вандерпут. Леонс. А это мой отец, Вандерпут...

— Гюстав, — произнес у меня над ухом простуженный голос. — Вандерпут Гюстав. Очень рад знакомству, юноша.

Я посмотрел на него. Из репродуктора лилась итальянская оперная музыка. Нас толкали со всех сторон, множество голосов сливалось в невнятный гул. Вандерпут стоял прямо передо мной в сдвинутом на затылок картузе, заложив руки в карманы и выпятив круглый животик, обтянутый жилеткой, уголки которой оттопыривались, как собачьи уши. Сморщенный, в красных прожилках небольшой нос утопал в пышных, с табачными подпалинами, усах, точно гриб во мху. Гнусавый голос с натугой пробивался наружу. Две глубокие складки спуска-

лись от носа к по-детски маленькому и круглому рту — этому человеку явно перевалило за шестьдесят. Выцветшие, видимо, с возрастом голубые бегающие глазки смотрели во все стороны сразу, поймать и удержать их взгляд было невозможно, он постоянно отводил его и вертел головой. Вандерпут сразу внушил мне глубокую симпатию: таким старым, да еще и таким уродливым и грязным, решил я, может быть только жертва какой-нибудь ужасной несправедливости, вроде той, что свалилась на меня.

— Вандерпут, Гюстав, — повторил он, упорно глядя в сторону. — Сейчас, юноша, вы станете свидетелем волнующей церемонии. Лично я волновался уже пять раз, а сегодня, может, и всплакну — ведь придет сам министр. Понимаете, юноша, когда видишь, как свято чтут твою память, чувствуешь, что все-таки прожил жизнь не зря. И что ты был настоящим человеком.

Он вытащил из кармана большой клетчатый платок.

— Не плачьте, папочка, — сказал Вандерпут-младший.

— Да я еще не плачу, Леонс, — ответил старик. — Пока просто сморкаюсь — проверяю, все ли под рукой. Ваш отец, юноша, наверное, был в партизанах?

— Да.

— В каких местах?

— В Везьере.

— В Везьере! — тоном знатока отозвался старик. — Знатный отряд! И... вашего отца убили?

— Да. Пулей в глаз. За два дня до прихода союзников.

Старик тактично покачал головой и прищелкнул языком. Его беспокойные глазки остановились на Роксане.

— Ваша собачка?

— Да.

— А знаете, — как-то дурашливо продолжал старик, — собачку взять с собой вам не позволят. Отберут собачку. Пойдет на мех. Правда, Леонс?

— Это уж будь уверен, — подтвердил Вандерпут-младший.

— Да вот вчера один юноша приехал откуда-то с песиком. С таким... ну... подскажи, Леонс, как называется порода?

— Пудель?

— Вот-вот, конечно пудель. Его отняли. А паренек так плакал. Я и пошел сегодня посмотреть, что сделали с собачкой. Не хочу вас, юноша, пугать, но песик...

— Сдох, — отчеканил младший Вандерпут. — Ему подсыпали толченого стекла. Мучительная смерть.

А шкурку продали на черном рынке. За пятьдесят пять франков.

— У меня прямо-таки чуть сердце не разорвалось, — сказал старый Вандерпут и снова потянул из кармана платок. — Я так разволновался, что пришлось прилечь и выпить лекарственного чая...

— Липового, — уточнил Вандерпут-сын.

— Так доктор прописал. У меня очень слабое сердце. Это у нас в роду. Мне нельзя волноваться. Вот и теперь... как подумаю, что и вашу собачку навсегда заберут...

— Не плачьте, папочка, — опять сказал сынок.

— Не могу удержаться... Это у нас в роду...

Он старательно вытер глаза. Я огляделся. В зале собралось так много народу, что вполне можно было незаметно пробраться к двери. Люди разговаривали, многие рассматривали страшные фотографии на стенах — видимо, искали на них своих родственников. Я подхватил Роксану.

— Что это вы делаете, юноша? — проблеял старый Вандерпут.

— Смываюсь отсюда.

— Погодите, не сейчас, — шепнул он. — Дождитесь раздачи подарков. Каждый тысяч на тридцать потянет. Такой кусочек пропустить — просто преступление. А потом пошли с нами. Леонс уже на-

ловчился — смотрите и делайте, как он. Положитесь на меня. Впрочем, вот и министр.

Вандерпут почтительно снял картуз. Народ зашевелился — в зал вошел министр. Он был молод, вид имел решительный — такой обычно принимают те, кто не способен изобразить на лице что-нибудь более осмысленное. “Какой энергичный!” — произнес женский голос. Министр пружинисто рванулся вперед и с маху отдал ноги какой-то важной особе из своего окружения. “У, черт!” — отчетливо и громко вскрикнула особа. Произошел конфуз и легкое замешательство, но все быстро улеглось, почти не нарушив торжественности момента. Министр останавливался перед каждым воспитанником нации и задавал какой-нибудь вопрос, на который сам же себе отвечал, нас слепили лучи прожекторов, одна сиротка чуть все не испортила — вдруг завопила “мама!”, корреспондент центрального радио с бодренькой улыбкой совал всем под нос микрофон, будто кружку для пожертвований. И все же не обошлось без инцидента, который журналисты на другой день назвали “политической провокацией”. Среди нас был мальчишка лет десяти, самый младший из всех национальных подопечных, совершенно оробевший в такой обстановке. Кто-то сунул ему

в руки кусок торта, так что его растерянная мордашка перепачкалась кремом. Растрепанные волосы торчали во все стороны, голова походила на маленькую испуганную зверушку. Само собой, министр, организаторы, кино- и радиохроникеры тут же смекнули, как кстати придется этот мальчонка, пока он не успел слизнуть весь крем, и набросились на него всем скопом. Тут-то и состоялся диалог, который я никогда не забуду и который воспроизвожу тут дословно, для любителей документальных фактов.

МИНИСТР (*отеческим тоном, погладив мальчика по вихрастой голове*). Ну что, вкусный торт?

Все смеются, все в восторге, растроганы, некоторые чуть не плачут.

МАЛЬЧОНКА (*испуганно, говорит по-заученному*). Ленорман, Мишель.

Все хохочут, самые чуткие — не так громко, смутно понимая, что в общем-то ничего смешного нет.

МИНИСТР (*снисходительно*). И откуда же ты?

МАЛЬЧОНКА. Из Ла-Виллет.

МИНИСТР (*переходя к теме дня*). А младшие братишки и сестренки у тебя есть?

МАЛЬЧОНКА (*очень твердо*). Нет. Только отец.

Все ахают, по залу пробегает ропот. Пахнет скандалом. Министр резко выпрямляется и отстраняется от мальчика, только что руки после него не вытирает. Вид у него оскорбленный, как будто организаторы здорово его подвели.

МИНИСТР (*оглядывая окружающих с откровенной угрозой*). И твой отец тут?

МАЛЬЧОНКА (*с гордостью*). Он в тюрьге.

Все снова ахают, повисает молчание. Малыш стирает крем рукавом и снова вгрызается в торт.

МАЛЬЧОНКА (*с полным ртом*). Ему впаяли десять лет за сотрудничество с фрицами.

Толпу охватила паника. Министр прошел прямо передо мной с перекошенной, будто у него вздулся флюс, физиономией. Я слышал, как он грозным голосом отчитывал какого-то несчастного чиновника, — тот, видно, сидел себе в тихом уголке, покуривал, а тут вдруг его вытащили, да так по-

спешно, что он и трубку отложить не успел, все размахивал ею, воздевал руки и пытался объяснить, что он во всем этом деле — только маленький винтик, ничего не решает и вообще ни при чем. Но почему-то именно его трубка разъярила министра, он смотрел на нее как замороженный и кричал:

— Так-так, месье курит трубку! Месье из тех господ, что преспокойно курят трубку и думают, что все у них в порядке! А я вам говорю, что это саботаж. Саботаж, понимаете? Чем, интересно, вы занимались при немцах? Курили трубку?

— Позвольте, господин министр! Да у меня родной племянник..

— А табачок небось немецкий?

— Я протестую, господин министр! Всю жизнь курю только отечественный. Да вот, извольте сами понюхать..

Несчастный, к изумлению присутствующих, дрожащей рукой совал трубку под нос министру.

— Уберите с глаз моих свою трубку! — взревел министр. — Скажите лучше, как сюда попал этот негодник?

— Ума не приложу, поверьте, господин министр... должно быть, произошло досадное недоразумение, что-то напутали в списках... но это не я..

не в моей компетенции... всего двенадцать тысяч жалованья в месяц... а у меня семья... — сбивчиво бормотал несчастный, не выпуская из рук злополучной трубки. — Но обвинять меня, что я курил при немцах их табак, тогда как у меня, наоборот, родной племянник...

— Ну хватит! — рявкнул министр, выхватил у него трубку и жажнул ее об пол. Но трубка уцелела, и тогда он в дикой злобе подскочил к ней и каблуком разбил вдребезги. На лице старого чиновника отразилось такое отчаяние, он с такой скорбью воззрился на останки своей трубки, что многие машинально обнажили головы. Бедняга всплеснул руками и забил ими себя по бокам, как пингвин. Только тогда к нему, видимо, вернулся дар речи.

— Это фашизм! Фашизм! — взвизгнул он и продолжал повторять “фашизм, фашизм!”, притопывая ногой. Министра же дикарская выходка, кажется, успокоила — он повернулся спиной к жертве и двинулся к выходу с тем же суровым, решительным видом, с каким входил в зал, поэтому у всех присутствующих создалось впечатление, что ему удалось исправить чрезвычайно щекотливую ситуацию, а может быть, даже спасти страну... И тут я заметил, что с другого конца зала отец и сын Вандерпуты

машут мне руками и показывают на дверь — им, вероятно, не понравилось, какой оборот приняло дело. Мне тоже, особенно когда я увидел, что паршивую овцу — мальчишку, из-за которого разгорелся весь сыр-бор, — схватили и увели двое молодчиков, сильно смахивавших на полицейских в гражданском, только кусок торта остался валяться на полу, и все на него наступали... Надо было поскорее смываться. Сорвав с рукава и спрятав в карман повязку, покрепче прижав к себе Роксану, я стал пробираться к выходу и скоро вместе с Вандерпутами очутился на улице. Настал мой черед уйти в подполье.